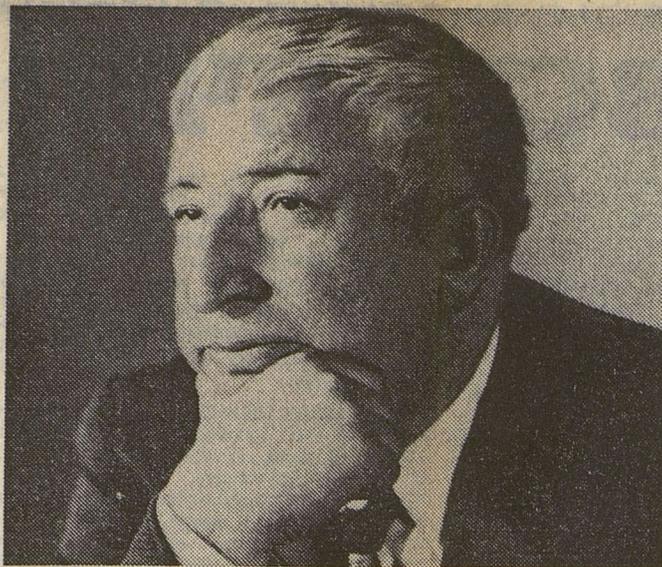

Чингиз АЙМАТОВ

«ПЕРЕСЕДЛАВ КОНЯ С РАССВЕТОМ»

Слово о Расуле Гамзатове

ЕСЛИ ПРАВА старая мудрость, поэт — человек, который кричит от невыразимой муки, а из его уст вырывается прекрасная музыка.

Звезды ночи, звезды ночи
В мой заглядывают стих,
Словно очи, словно очи
Тех, кого уж нет в живых.
Слышу, с временем
не ссорясь,
В час полночной тишины:
«Будь как совесть,
будь как совесть
Не вернувшихся с войны!»
Горец, верный Дагестану,
Я избрал нелегкий путь.
Может, стану, может,
стану
Сам звездой когда-нибудь.
По-земному беспокоясь,
Загляну я в чей-то стих,
Словно совесть, словно
совесть
Современников моих.

Сколько лет, если иметь в виду дату написания, этим пронзительным, обжигающим душу строкам? Но разве есть возраст у настоящей поэзии? Она — вечный ребенок и мудрец одновременно: в ней удивление перед нерукотворным чудом бытия, когда мы, дети, еще ощущаем себя бессмертными, и стремление к наиболее полному, возможному для нас постижению тайны жизни, когда, взрослые, мы понимаем, что мы бессмертны не каждый сам по себе, но только в едином человечестве — в неизбежной смене поколений, в величии его исторического движения, которое не должно остановиться ни на мгновение.

В этом сокровенная природа и суть исторического мышления человека, которое всякий раз диктует нам высокое чувство ответственности за судьбу земли, непреходящий долг перед будущим.

Этому и именно этому служит поэзия Расула Гамзатова, постоянно набирающая высоту классики, хотя мы не всегда отдаем себе в этом отчет. Людям свойственно думать, что классика — только наследие. Есть классика живая, животворная. Важно понять это. И если мы поймем, значение такой поэзии возрастет многократно.

Случается, и нередко, что стихи, бывшие когда-то популярными, стираются в памяти, и, если потом натыкаешься на них, с горечью удивляешься: чем же они привлекли твоё внимание, чем волновали? Тут и чувство обиды, и чувство досады на себя — стало быть, ты мог принять нечто фальшиво-риторическое за настоящую поэзию и невольно посетуешь на свою прежнюю незрелость. Но дело в том, может быть, что из этих стихов ушло время, и, как недавно еще переливающийся солнечным светом воздушный шар (отречемся ли мы от радости его лицемерия?), они превращаются в серую тряпицу. Своей поэзии подлинной поэзии — вбирать в себя время. Оно входит в нее, обновляя истинное чувство-страсть, каковой они были выдохнуты.

Тут прошлое, настоящее и будущее встречаются вместе. Они — эти временные компоненты — понимают друг друга, говорят на одном языке — поэзии и правды, проникающем и обнимающем все человечество, всю историю, даже если, как старые горы, перед которыми преклоняется Расул, хранят среди шумного говора «ученых критиков» мудрое молчание:

Они в горах живут высоко,
С времен пророка ли, бог
весть,
И выше всех вершин Востока
Считают собственную честь...

Душой робея, жду
смущенно,
Что скажут на мои стихи
Не критики в статьех
ученых,
А в горских саклях старики.

Я не хочу уподобляться критикам, но не раз видел, как принимают Расула и его поэзию (это неразделимо) не только убежденные сединой старцы, но и молодые люди: первые молодеют, вторые же, кажется, взрослеют на глазах, потому что в этот момент их душевный возраст как бы уравнивается. И уже нет так называемой публики, нет сторонних, пусть и благодарно внимающих слушателей. Благодаря силе сопереживания, вызываемой поэзией Расула, люди словно сами становятся поэтами. Кажется, и сама поэзия рождается тут же, вдруг, стихийно. Но ведь так оно и есть.

В этом высшем смысле Расул — подлинно народный поэт: он открывает человека в мире и мир в человеке. Мы начинаем видеть самих себя и друг друга. Шире — его поэзия объединяет людей в едином порыве к счастью, к социальной справедливости, к гуманизму, что изначально, если хотите, генетически заложено в самой природе человека и, вызванное к действию нашей эпохой, направляет нынче путь развития духовного прогресса современного общества.

То, что мне вспомнилось сейчас, — не притча. Это реальный случай. Он произошел в клинике профессора С. Н. Федорова, врача, который творит чудеса, — возвращает зрение людям, когда, кажется, потеряна самая последняя надежда. Человек, которому он вернул зрение, отнятое войной, был так потрясен всплывшей пе-

ред ним в неистовстве красок необычностью мира, что на время потерял сознание.

Какая здесь аналогия с поэзией? Поэзия — то, что должно поражать и потрясать человека, открывая перед ним новый, небывалый мир, будить и тревожить его сердце, его совесть, взывать к его достоинству, к осознанной необходимости, ставшей потребностью, испытать величайшие и глубочайшие чувства и мысли, которые обязан пережить человек, чтобы по праву считаться человеком. Человеком воистину мыслящим, объемлющим душой свой мир, в котором он живет.

И прежде всего такое чувство — ЛЮБОВЬ. Любовь в ее самом глубоком и всеобъемлющем смысле: любовь к матери, к Родине, к женщине. Любовь, побеждающая страх, отчаяние, неверие, ибо она и только она способна противостоять тем унижающим и разрушающим человеческую душу силам, которые хотели бы низвести нас до животного состояния, погрузить во мрак дремучих инстинктов, добровольно и даже с облегчением отречься от духовных ценностей, обретенных человечеством в его тысячелетнем многострадальном пути.

Вот почему и строки:
Воспой любовь, воспой
строкой крылатой.
Но только, друг мой,
помни наперед,
Что в сердце настоящего
солдата
С любовью рядом
ненависть живет.

Расул — лирик. Но — вот удивительно! — его лирика воспринимается как эпос. Не потому ли, что через его сердце

проходит вся тревога мира, вся его боль и нежность, и узви-мость, и неиссякаемое мужество?

Моей любви верны устои,
Отчизну матерью назвать
Я, право, был бы
недостойн,
Когда б забыл родную
мать...
И за отеческим пределом
Достойно, кажется, всегда
Я представлял Отчизну
в целом,
Кавказец родом из Цада.

Смею думать, что эпический размах поэмы «Восточка из аула», отрывок из которой я процитировал, подсказан Расулу любовью к поэзии нашего общего Учителя, Твардовского.

«За далью — даль». В этой поэтической формуле, на мой взгляд, заключен гуманистический и исторический пафос всей советской поэзии, ее непреходящая современность, ее связь с мощными традициями мировой классики.

Мне кажется, здесь мы думаем с Расулом одинаково. Сам же он в одном из интервью вот что сказал по этому поводу: «Традиция в широком смысле, как кто-то очень верно сказал, — духовное завещание. Но завещание поэзии не счет в банке, с которого можно припеваючи жить на проценты. Это строгая точка отсчета. Она-то как раз и не позволяет быть рантье в поэзии. Не считите за нескромность, но, о чем бы я ни писал, я всегда думаю: а как об этом написали бы Шекспир, Пушкин, Таргор?»

Да, только в этом случае можно решиться на творчество, на то, чтобы попытаться к великому сказу о человеке присоединить и свое слово.

Все мы, хотим мы того или не хотим, проходим жизнь на фоне вечности, на фоне великих мыслителей и поэтов, свято выполнивших свою миссию и необычайно расширивших светлый круг человеческого познания и чувствований.

Самонадеянное или беспечное пренебрежение этой мыслью чревато не только ущербностью самого искусства, прогрессирующим самодовольством самих авторов, но оно унижает жизнь человека, обедняет его представление о сложности мира, о его собственных огромных, неисчерпаемых возможностях перестроить этот мир по законам подлинной человечности в то время, когда, чтобы не только выстоять перед лицом смертельной угрозы, надвинувшейся на человечество, но и победить, он должен ощущать в себе небывалую любовь к жизни, веру в

торжество высших гуманистических идеалов.

Расул знает об этой опасности. И он предупреждает ее, напоминая себе и другим:

Учи, поэт, суровые уроки
И не бери без боя города,
Чтоб наскоро написанные
строки
Не рвать потом, сгорая от
стыда.
Ты сел в седло, веселый иль
угрюмый,
Не торопись, уму не
прекословь,
На полпути остановись,
подумай,
И оглянись, и путь продолжи
вновь.

ПОЭТ, понимающий драматизм мира, побеждает возраст. Но это понимание происходит не вдруг. Не приходит оно и к тому, кто боится выйти в дорогу, подзревая, что на ней может встретить многие неожиданные и даже кажущиеся непреодолимыми препятствия. Вышедший же должен однажды непременно «оглянуться». Это урок не только для поэтов — для каждого человека. И таких уроков у Расула немало, все они подсказаны ему жизнью, опытом, судьбою.

Я уже говорил, что, читая и перечитывая Расула, в первую очередь читаю и перечитываю его судьбу человека, иду по дорогам, которые он открывает. Уверен, что так же читают его многие, ибо ищут в его книгах себя. Ищут и находят. Но и это еще не все: от Расула читатель всегда ждет новых стихов. Потому, что хочет познавать себя вновь и вновь. И жажда души нашей в этом смысле никогда не утолима. Не случайно существует киргизская поговорка: «Воду лей туда, где земля ее жаждет, слово говори тому, чья душа этого жаждет».

Потому читатель и жаждет стихов Расула, что он видит в нем неиссякаемый талант.

Перечитывая эти строки о своем друге, я вдруг обнаружил, что много его цитирую. И тут же захотелось снова и снова приводить его стихи. Наверное, это оттого, что мне хочется делиться радостью с другими людьми. Но было бы, видимо, так же, если бы о Расуле говорил не я, а любой друг.

Как читатель, я благодарен за все то, что сделал Расул в литературе.

Как друг, я обнимаю и поздравляю его с днем рождения. И хочу сказать, что смысл счастья — вновь продолжить путь, переседлав коня с рассветом.